

ФАТАЛИЗМ ЛЮБВИ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»

Эгамбердиева Мадинахон Толибжон кизи
Магистрант, Ферганский государственный университет
<https://doi.org/10.5281/zenodo.20314630>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 16-may 2026 yil
Ma'qullandi: 18-may 2026 yil
Nashr qilindi: 20-may 2026 yil

KEYWORDS

А.С. Пушкин, «Повести Белкина», «Метель», фатализм, концепт любви, хронотоп, провиденциализм, мотив случая, деконструкция сентиментализма.

ABSTRACT

Статья посвящена комплексному литературоведческому исследованию концепта любви и мотива фатализма в повести А.С. Пушкина «Метель». Рассматривается трансформация традиционных романтических и сентиментальных литературных канонов в реалистическую, психологически достоверную модель поведения героев. Выявляется структурная связь текста повести с европейской и русской балладной традицией, что позволяет глубже раскрыть философскую проблематику произведения.

Обращение Александра Сергеевича Пушкина к прозаической форме осенью 1830 года во время знаменитого затворничества в Болдино знаменовало фундаментальный эстетический и философский сдвиг во всей русской литературе. Создание цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» стало не просто смелым стилистическим экспериментом, направленным на преодоление романтической инерции, но глубоким переосмыслением самой природы человеческих чувств и судьбы. В повести «Метель» концепт любви решительно освобождается от привычных элегических штампов, переводясь в плоскость сложных онтологических категорий. Автор намеренно сталкивает искусственную, заимствованную из книг страсть с непреодолимыми, грандиозными силами бытия, демонстрируя тщетность человеческого рационализма перед лицом вечности. Традиционный сентиментальный сюжет о несчастных влюбленных, разлученных жестокими или расчетливыми родителями, подвергается безжалостной деконструкции. На смену субъективному волеизъявлению героев, их наивным планам и расчетам приходит могущественная стихия случая. Этот случай, принимающий форму природного катаклизма, парадоксальным образом берет на себя функцию высшей вселенской справедливости, расставляя все по своим, единственно верным местам [1, 65].

Жизнь в поместье Ненарово течет неспешно, размеренно и абсолютно предсказуемо. Гаврила Гаврилович и Прасковья Петровна воплощают собой тот самый патриархальный уклад русского провинциального дворянства, который исключает любые резкие потрясения. В этой спокойной, почти сонной среде чтение французских романов становится для молодой Марьи Гавриловны единственным доступным способом приобщения к драматическим переживаниям. Ее скучающее воображение настойчиво требует бури, которую она искусственно конструирует из вполне обыденной симпатии к бедному соседу. Прапорщик Владимир Николаевич, в свою очередь, охотно поддерживает эту увлекательную, но насквозь фальшивую игру в роковых влюбленных [2, 112].

Их тайная переписка изобилует пылкими клятвами и призывами к немедленному самопожертвованию. Реальная ситуация совершенно не требует столь радикальных и трагических мер, однако молодым людям жизненно необходим острый конфликт, чтобы чувствовать себя настоящими героями романа. План тайного венчания целиком заимствуется из богатого арсенала европейской беллетристики.

Глубокий психологический подтекст грядущей жизненной катастрофы раскрывается в вещих снах Марьи Гавриловны накануне запланированного побега. Ей снится, что отец грубо останавливает ее на пороге, бросает в темное подземелье, а затем она видит бледного, окровавленного Владимира, умоляющего о скорейшем венчании. Эта тревожная онейрическая картина устанавливает прямую интертекстуальную связь с эпиграфом к повести, взятым из баллады В.А. Жуковского «Светлана». Балладная традиция, как известно, предполагает обязательный прорыв inferнальных сил в реальный мир, мотив мертвого жениха и неотвратимой, пугающей предопределенности. Пушкин виртуозно переосмысливает этот устоявшийся литературный канон. Ужасный сон героини сбывается, но не в мистическом, а в суровом реалистическом ключе. Владимир действительно гибнет на полях сражений, навсегда исчезая из ее жизни. Однако это жестокое пробуждение от девических иллюзий приносит Марье Гавриловне не гибель, а парадоксальное спасение от ложного шага. Литературный мотив мертвеца заменяется реалистической трагедией утраты, тем самым освобождая внутреннее пространство героини для формирования подлинного чувства, не отягощенного книжной фальшью [3, 48].

Вмешательство необузданных природных сил окончательно разрушает иллюзорную гармонию сентиментального замысла прапорщика и барышни. Хронотоп метели выполняет в пушкинской повести функцию активного, почти одушевленного и полноправного участника разворачивающихся событий. Метель ни в коем случае не является простым атмосферным явлением или удобным декоративным фоном для тайного любовного свидания. Она выступает карающей и одновременно направляющей дланью провидения. Природная стихия физически ослепляет Владимира, безжалостно сбивая его с заранее намеченного, но онтологически ложного пути. Его изнурительные, мучительные блуждания в непроглядной снежной пелене

символизируют экзистенциальную слепоту человека, самонадеянно пытающегося навязать мирозданию свой узкий, придуманный сценарий. Знакомая дорога мгновенно теряет очертания, пространство катастрофически искажается, переходит в разряд враждебного хаоса, а время растягивается в бесконечную неизвестность. Владимир оказывается грубо отторгнутым от хода собственной истории. В этом безнадежном противостоянии выявляется истинный масштаб личности героя, его внутренняя слабость. Он быстро впадает в панику, теряет самообладание, его охватывает тупое отчаяние. Слезы Владимира в финале ночных скитаний – это горькое признание абсолютного бессилия перед превосходящими силами рока. Судьба жестко и беспощадно отбирает право на любовь у того, кто пытался ее искусственно срежиссировать, игнорируя законы самой жизни [4, 28].

Совершенно иначе метель обходится с гусарским полковником Бурминым. Непогода буквально толкает его, направляя сани прямо к дверям занесенной снегом жадринской церкви. Гусар не планировал жениться, он двигался сквозь ночь без определенной цели, подчиняясь лишь смутному внутреннему импульсу, юношеской бравате и азарту борьбы со стихией. Его «непонятная, непростительная ветреность» удивительным образом оказывается более созвучной скрытым ритмам мироздания, чем скрупулезные, мещанские расчеты армейского прапорщика. Бурмин безрассудно доверяется течению обстоятельств, позволяя року действовать через себя [5, 18].

Пушкин демонстрирует, что в определенных ситуациях излишняя рассудочность ведет к краху. Готовность отдаться на волю случая, напротив, открывает путь к истинному предназначению. Гусар становится слепым, но точным орудием судьбы.

Сцена венчания фиксирует наивысшую точку сюжетного абсурда и философского фатализма. Неизвестный офицер встает рядом с полубеспамятной невестой, и свершается необратимое церковное таинство. Человеческая ошибка здесь мгновенно возводится в ранг божественного предопределения, отменить которое невозможно никакими земными законами. Брак заключается не по любви, а исключительно по воле слепого случая. Начало Отечественной войны 1812 года выступает вторым, уже историческим масштабным проявлением рока в судьбах героев. Грандиозная национальная буря сметает остатки прежнего, игрушечного мира Ненарадова. Смерть Владимира окончательно закрывает сентиментальную главу этой истории. Герои стремительно взрослеют под тяжестью испытаний, их характеры обретают подлинную психологическую глубину. Марья Гавриловна превращается в независимую, состоятельную женщину, окруженную толпой искателей ее руки. Однако она свято и необъяснимо хранит верность своей странной тайне. Ее двойственный статус законной жены неизвестного человека надежно защищает ее от пошлых, пустых увлечений [6, 115].

Теперь она живет не книжными фантазиями, а напряженным ожиданием развязки, которая наполняет образ героини внутренним благородством. Появление повзрослевшего, раненого Бурмина запускает финальный этап кристаллизации пушкинского концепта любви. Новый претендент на ее

сердце полностью лишен ореола романтического страдальца. Любовь между ним и Марьей Гавриловной зарождается не от провинциальной скуки, а от искреннего, глубокого восхищения личностными качествами друг друга. Бурмин видит в ней не уездную барышню, а женщину с богатым духовным миром [7, 92].

Трагизм их положения заключается в том, что оба считают себя навсегда связанными прежними фатальными ошибками молодости. Рок, жестоко пошутивший над ними в метельную ночь, теперь предстает как непреодолимая преграда для выстрадавшего, заслуженного счастья.

Сцена финального объяснения мастерски разрушает законы классической трагедии. Мгновенное прозрение переводит ситуацию из состояния абсолютной безнадежности в регистр торжествующей, светлой радости. Нелепая случайность прошлого обретает черты высшей, божественной закономерности. Фатализм Пушкина в этом произведении совершенно лишен пессимистического или деструктивного оттенка. Писатель утверждает светлую мысль о том, что сама жизнь бесконечно мудрее и богаче любых человеческих планов. Истинная, глубокая любовь даруется не за хитроумие или умение плести интриги, а за способность с честью пройти выпавшие испытания, сохранив внутреннее достоинство и способность к раскаянию. Реальная жизнь безжалостно ломает плоские сентиментальные клише, заменяя их глубоко справедливыми, хотя и непредсказуемыми поворотами судьбы [8, 22].

Таким образом, концепция любви в повести претерпевает кардинальную эволюцию. Изначально заявленная как наивная литературная игра, она полностью разрушается столкновением с действительностью. Природная стихия берет на себя роль неумолимого вершителя судеб. Фатализм любви у зрелого Пушкина – это глубокое, философское доверие к непостижимой мудрости бытия. Писатель последовательно развенчивает романтический эгоцентризм, стремящийся самовольно подчинить жизнь придуманным правилам. В «Метели» закладываются прочные основы той онтологической модели, которая позже получит свое максимальное развитие в философской прозе и историческом романе «Капитанская дочка».

Список литературы:

1. Маркович, В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст / В. М. Маркович // Пушкин: Исследования и материалы. – 1989. – Т. 13. – С. 63–87.
2. Гиппиус, В. В. Повести Белкина / В. В. Гиппиус // От Пушкина до Блока. – 1966. – № 1. – С. 7–45.
3. Викторovich, В. А. «Метель» Пушкина: поэтика непредсказуемого / В. А. Викторovich // Болдинские чтения. – 2013. – № 1. – С. 45–56.
4. Строганов, М. В. «Повести Белкина» как единый текст / М. В. Строганов // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 23–34.
5. Хализев, В. Е. Сюжет и фабула в «Повестях Белкина» / В. Е. Хализев // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1999. – № 5. – С. 14–26.
6. Петрунина, Н. Н. Проза Пушкина и пути ее эволюции / Н. Н. Петрунина // Русская литература. – 1987. – № 2. – С. 110–125.

7. Бочаров, С. Г. О смысле «Повестей Белкина» / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 1974. – № 8. – С. 85–102.
8. Шмид, В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» / В. Шмид // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1996. – Т. 55. – № 3. – С. 15–28.

INNOVATIVE
ACADEMY